

Е. А. Ермолин <https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>**Диалогическое самопознание культуры: внешний ракурс**

Всякая культура неизменно и неизбежно пребывает на своей границе. Ее напряжения и многие возникающие и развивающиеся в ней темы и смыслы обязаны своим существованием этому феномену пограничности. Культура есть событие перманентного диалога, каждая новая реплика в котором непредсказуема и неокончательна, причем сильно зависит от внешних и привходящих факторов, является реакцией на них. Диалогически происходит самопознание культуры. Рефлексивный процесс, внешним ракурсом которого являются коммуникации, связанные с воздействиями разного рода, обычно создает культурные напряжения, противоречия и конфликты, но порой протекает вполне комплиментарно. Этот процесс в русской культуре предстает прежде всего динамическим освоением осевой духовности, которое происходит на протяжении тысячелетия и имеет драматическую логику. Российское Просвещение смотрело прежде всего на Запад, откуда Россия получила основы религии, культуры, художественные формы, идеи и ценности. Русская культура – это типичная культура, строящаяся на мощных заимствованиях из других, более древних и богатых культур, которые затем обживаются и переосмысливаются, однако уже обычно по собственной, российской логике. Так, советская культура заявляет о своей исключительности, о своем праве брать из мировой культуры лишь то, что кажется пригодным. Однако постепенно в стране нарастает и влияние культуры современного Запада, а первоначальные импульсы советской культуры явно угасают. В работе рассматриваются идеи мыслителей и ученых, пытающихся осознать этот процесс. В современном мире охарактеризованный ракурс самопознания культуры имеет особое значение, в контексте многовекторности актуальной глобальной культуры, складывающегося мультиплексного мира.

Ключевые слова: пограничность культуры, диалогичность культуры, усвоение осевого опыта, модели культурной эволюции, мультиплексный мир.

Е. А. Ermolin

Dialogical self-knowledge of culture: an external perspective

Every culture abides on its border invariably and inevitably. Its tensions and many themes and meanings arising and developing in it owe their existence to this phenomenon of borderline. Culture is an event of permanent dialogue, in which each new remark is unpredictable and inconclusive, and much depends on external and incoming factors, is a reaction to them. The self-knowledge of culture occurs dialogically. The reflexive process, the external aspect of which is communication associated with various kinds of influences, usually creates cultural tensions, contradictions and conflicts, but sometimes it is quite complimentary. This process in Russian culture appears primarily as a dynamic development of axial spirituality, which has been going on for millennia and has dramatic logic. The Russian Enlightenment looked primarily at the West, from where Russia received the foundations of religion, culture, art forms, ideas and values. Russian culture is a typical culture, built on powerful borrowings from other, more ancient and richer cultures, which are then settled and rethought, but usually by their own Russian logic. So, Soviet culture declares its exclusivity, its right to take from world culture only that which seems suitable. However, the influence of the culture of the modern West is gradually growing in the country, and the initial impulses of Soviet culture are clearly dying away. The paper considers the ideas of thinkers and scientists trying to realize this process. In the modern world, the described perspective of self-knowledge of culture is of particular importance in the context of the multi-vector nature of the current global culture, the emerging multiplex world.

Keywords: borderline of culture, dialogue of culture, assimilation of axial experience, models of cultural evolution, multiplex world.

В определенном аспекте культуру можно представить как фабрику смыслов, где производство подчинено разнообразным потребностям человека, а для того, чтобы оно бесперебойно происходило, нужны, помимо инициативы ра-

ботников, некоторые предварительные культурные ресурсы, без которых сам процесс или не начнется, или далеко не пойдет. Причем эти ресурсы имеют особую природу. Это не просто мертвое «вещество». Это – обладающий креа-

тивным потенциалом материал, пусть и зафиксированный тем или иным способом на тех или иных носителях: иногда как будто бы спящие смыслы, которые, однако, пробуждаются, если начать с ними взаимодействовать, а иногда и актуальные, сиюминутно востребованные, находящиеся в текущем обращении (научном, художественном и пр.) смысловые акценты и матрицы. С этой ресурсной базой человек-творец культуры неизбежно, волей-неволей вступает в диалогические отношения, результатом которых и становится самопознание культуры.

Вывод о диалогичности самопознающей культуры в его различных философских и художественно-философских выражениях сложился на фоне драматических перипетий XX в. Персоналистская теория культуры берет эту идею как базисную основу историко-культурной и теоретико-культурной рефлексии. Как авторитетное и влиятельное течение мысли формируются диалогический персонализм, теоретические воззрения и отдельные идеи, образы и умозрения Вяч. И. Иванова, Г. П. Федотова, М. М. Бахтина, В. С. Библера, О. Э. Мандельштама, Э. Мунье, М. Недонсея, Ж. Лакруа, П. Рикера, А. де Сент-Экзюпери, А. Камю, Р. Гвардини, М. Бубера, Т. Штейнбюхеля, Ф. Эбнера, Э. Бруннера, Р. Бульзмана, Ф. Гогартена, Р. Флюэллинга, У. Фолкнера, Т. Мазовецкого и др. Осмысление культуры с персоналистских позиций опирается на интуицию культуротворческого диалога и раскрывает его конкретное содержание.

Диалогичность в самопознающей культуре имеет внутренний и внешний ракурсы. В этой статье будет рассмотрен внешний ракурс диалогизма. (Внутрикультурный ракурс был рассмотрен нами отдельно и ранее [7].)

Отметим, что в современном мире этот ракурс имеет особое значение в контексте многовекторности актуальной культуры. Современный глобальный мир неустанно осуществляет недетерминированную многовекторную коммуникацию. Симптоматично появление понятия «multiplex world» («мультиплексный мир»). Оно удачно представляет характер современных культурных процессов. Инициатор научной дискуссии по этому поводу Амитав Ачарья, журналист The Huffington Post и профессор международных отношений в Американском университете (Вашингтон), сравнивал складывающийся в XXI в. миропорядок с мультиплексным кинотеатром: здесь в одном комплексе несколько кинозалов, в которых идут самые разные фильмы – от голливудских до индийских и китайских; зритель может выбирать. Еще одна параллель – техника те-

левещания: в этом контексте мультиплекс означает набор телевизионных и радиовещательных каналов, передаваемых по одному цифровому каналу, объединенный поток, состоящий из потоков одного уровня. Такова, по А. Ачарье, ситуация и в культуре в целом. Процессы в ней идут параллельно, в принципе независимо друг от друга.

А. Ачарья фиксирует появление мультиплексного мирового порядка, где есть на выбор множество сюжетов (идей), директоров (властей) и действий (лидерства) под одной крышей (международная система). В мультиплексном мире, замечают А. Ачарья и его соавторы, мы всегда «будем иметь несколько продюсеров и актеров (государств, регионов, транснациональных групп), которые ставят собственные шоу одновременно» [19].

Для А. Ачарьи важно акцентировать растущее значение «Глобального Юга» в современной культуре и общественной жизни [17, 18] (и этот ракурс его идей был поставлен нами во главу угла при рассмотрении проблем современного российско-китайского культурного диалога) [8]. Однако, что особенно ценно сейчас для нас, в этой концептуальной логике не просто акцентируется «незападный» культурный ресурс. По А. Ачарье, «глобальные международные отношения» (Global IR) основаны на плюралистическом универсализме, который признает разнообразие и отказывается от универсального навязывания, избегает исключительности [16]. Эти соображения возвращают нас к нашему исходному тезису о диалогичности культуры, включая их в контекст актуальной научной рефлексии.

Нужно напомнить, что на отечественной почве в XX в. импульс для развития диалогического понимания культуры дали интуиции российского мыслителя-диалогиста М. М. Бахтина, корреспондирующие с идеями европейских и американских теоретиков-персоналистов. Согласно его определению, «у человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [3, с. 312]. Это соображение, характеризующее способ существования человека, работает и при переносе в сферу общекультурного становления, исходя из бахтинского определения культуры как «мирового симпозиума» [3, с. 318]. Всякая культура неизменно и неизбежно пребывает на своей границе. Ее напряжения и многие возникающие и развивающиеся в ней темы и смыслы обязаны своим существованием этому феномену пограничности.

Понятие границы имеет разные значения. Реальное культуротворчество происходит в контексте диалога индивида с мирозданием, с космосом и Теосом, с другим индивидом, с народом, государством, правительством, классами и стратами, с культурными традициями. Это формирует границу с прошлым и будущим, границу между людьми и между отдельными группами в рамках единого культурного процесса (при незначительном несовпадении культурных ориентиров у членов этих групп).

Но есть и граница между разными культурами. Закономерно отечественный мыслитель В. С. Библер заостряет вопрос о диалогическом механизме культуры, живущей и развивающейся «только на грани культур, в одновременности, в диалоге с другими целостными, замкнутыми “на себя” – на выход за свои пределы – культурами» [4, с. 286]. Причем культура у него оказывается «особой формой общения и одновременного бытия людей прошлых, настоящих и будущих культур» [4, с. 292], то есть, в нашем ракурсе, диалог с другими культурами не ограничен какими-то хронологическими рамками. В нем может активно участвовать и культура прошлого.

Культура осознает себя и развивается не только изнутри. Можно согласиться с «законом наследственности», сформулированным В. С. Библером. Развивая некоторые идеи М. М. Бахтина, он утверждает, что эволюция культуры (а особенно искусства) происходит не по закону восхождения, а по закону наследственности [4, с. 282-284]. Каждое новое явление в культуре входит во все более усложняющийся контекст, влияя на смысл как целого, так и его частей. Но, с другой стороны, культурное движение – это неизбежно перешагивание через канон и норму, через рутинное «общее место», это «трансцендирование и нескончаемое самопреодоление» [12, с. 137]. Культура есть событие перманентного диалога, каждая новая реплика в котором непредсказуема и неокончательна, причем сильно зависит от внешних и привходящих факторов, является реакцией на них.

Культуры, не способные к межкультурному диалогу, к творческому взаимодействию с инокультурным опытом, за редким исключением, не могут выйти из примитивного состояния или деградируют при нарастающей автогеттоизации.

Обращаясь к опыту русской культуры, мы можем констатировать, что в динамическом аспекте она предстает историческим процессом самоутверждения человеческой свободы, разнообразных взаимодействий и взаимовлияний, давления и агрессии сознательных и бессознатель-

ных сил, спонтанного творчества и слепого следования традициям, обычаям или моде. В этом многофакторном культурном развитии для культуры важны и значимы как культурные инициативы личности и сила духовных традиций, так и межкультурные взаимодействия.

Процессы взаимоотношений России и мира в культурной области – предмет дискуссий. Представляет ли собой русская культура обособленное явление – или она, напротив, раскрыта миру и подчиняется общемировой логике? Известна попытка Н. Я. Данилевского обосновать тезис о существовании русской цивилизации в качестве особого культурно-исторического типа, наряду с десятком других [6, с. 162-163]. Напротив, А. Тойнби, отказывая России в создании оригинальной цивилизации, писал о ней «в плане культуры» как о «спутнике-сателлите», история которого определена тем, что Россия трижды на протяжении 1100 лет воспринимала чужую цивилизацию извне: сначала скандинавскую, затем византийскую и, наконец, западную, причем последнюю сначала в ее либеральной, а позже в ее коммунистической форме [14, с. 330-337].

Самобытность и влияния – каково их соотношение в истории русской культуры? Этот вопрос и в последнее время актуален, он вызывает острые споры, является предметом разнообразных, не всегда добросовестных спекуляций. Подчас и современные исследователи обращаются к цивилизационному подходу, к теориям О. Шпенглера, А. Тойнби, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и др. Характерны, в частности, попытки обосновать предельную самобытность русской культуры и даже ее изначальность по отношению к иным культурным мирам. Так, современные авторы В. Кандыба, Д. Кандыба, П. Золин обосновывают хронологический приоритет русской культуры перед всякой иной тем смелым предположением, что «люди-русы» являются результатом трансмутации пралюдей под воздействием разумного света-луча, посланного на Землю 18 миллионов лет назад, причем русский народ образовался раньше прочих [9, 10].

Нельзя, конечно, отказывать русской культуре и в творческом духе, в наличии таких идей, ценностей и интуиций, которые зародились на собственно русской почве. Но она едва ли нуждается в подобных полуанекдотических попытках апологии.

Показанная выше логика диалогического персонализма должна, как представляется, внести в этот вопрос ясность. В реальности не было ни замкнутости, ни автоматического подчинения. Был диалогический процесс взаимодействия рус-

ской культуры, ее творцов, с другими культурами, процесс заимствования и отталкивания. В этом смысле нельзя считать, что русская культура развивалась исключительно на собственных основаниях, детерминировалась только изнутри, без влияния извне. Была сложная картина почти непрерывного диалога и полилога, который приводил к сложению самобытного культурного синтеза. Русская культура знала как опыт цельности, так и опыт разрывов и катастроф, устремленности к *иному*, и это обстоятельство дает пищу для серьезных размышлений о путях отечественной культуры и парадоксальной жизни русской души.

Проективная активность личности не может не сопровождаться в истории культуры конфликтными напряжениями, кризисными ситуациями, соперничеством и борьбой позиций, мнений и действий. Взаимодействие личной инициативы с культурной традицией и с альтернативными проектами происходит далеко не безболезненно и оборачивается эксцессами разного рода. История культуры предстает поэтому и историей культурных борений. Именно эти борения не просто во многом образуют содержание культурной динамики, но и становятся подчас ее самопроизвольным механизмом. Неслучайно принято считать, что культурная динамика в России возникает как результат борьбы противоположностей, как процесс антитетический. Но далеко не всегда диалог в русской культуре имеет конфликтный характер. Элементы противоборства в культурной деятельности и в культурном самосознании нередко сочетаются с комплиментарностью, даже с увлеченностью инокультурными артефактами. Русская культура – это типичная культура, строящаяся на мощных заимствованиях из других, более древних и богатых культур, которые затем обживаются и переосмысливаются, однако уже обычно по собственной, российской логике.

Продуктивна, богата смысловыми, полемическими оттенками идея Г. С. Померанца о формировании русской культуры на периферии других великих мировых культур [13]. Русская культура включена составной частью в культуру христианского Востока, христианской цивилизации в целом, цивилизации Запада Нового времени, в мировую культуру. Русская культура всегда входила в просторные пределы гораздо более обширной культурной ойкумены.

Популярной прогрессистской теорией, которая была взята на вооружение историками русской культуры, является концепция модернизации. Она основывается на противопоставлении современных и традиционных культурных цен-

ностей. Причем за культурную норму берутся ценности современные. По логике теории, модернизация зародилась в Европе, но приобрела вселенский размах, захватив в свою орбиту и русскую культуру. С тех пор русская культура догоняла ушедший в отрыв культурный авангард человечества, она постепенно, методом проб и ошибок, подтягивалась к достижениям западной культуры, обеспечивавшей все более полное благополучие человека.

В теории модернизации есть здравые зерна, русская культура – безусловно, культура Просвещения, часто опирающаяся на внешние смыслы и ценности [1, 2, 15]. Но культурный процесс не может происходить автоматически и непрерывно; он не сводится к внешне и формально понятой «модернизации». К настоящему моменту зачастую подвергаются критике уже и современное состояние культуры Запада. Модернизация-вестернизация, на наш взгляд, не самоцель, не разгадка историко-культурного процесса в его сущностном русле. Это лишь один из возможных срезов культурной реальности.

Генеральный, наиболее важный и ценный вектор культурного движения в России – это освоение осевого опыта, причем исторически российское Просвещение смотрело прежде всего на Запад. С Запада Россия-Русь получила основы религии, культуры, художественные формы, идеи и ценности. Первоначально русская культура являет собой синтез воспринятого из Константинополя христианства и местного, туземного язычества (как славянского, так и, очевидно, угрофинского). Можно полагать, что результатом такого синтеза и стало духовное рождение русского народа, обладающего собственным культурным лицом, самобытной ментальностью. В этом синтезе христианства и язычества постоянно нарастает и в целом оказывается определяющей значимость христианских ценностей и символики. Именно они, в более или менее осознанном виде, преобладают в культурном сознании, становятся его доминантой. Основные христианские символы укореняются на российской почве и приобретают своеобразное историко-культурное значение в контексте русской жизни. Культура начинает расти в связи именно с ними, лишь косвенно учитывая и далеко не всегда оглядываясь на языческое прошлое. Впрочем, время от времени язычество возрождается в сознании и верованиях, становится культурным стимулом.

В пределах «христианского периода» истории русской культуры периодизация культурного процесса может быть произведена путем определения этапов русской культуры в зависимости от

характера межкультурного диалога с другими культурными мирами, диалога, в котором актуализировались духовные потенции культуры, в котором активно участвовали крупнейшие русские культурные деятели.

Мы разделяет ту точку зрения, что основополагающее значение на протяжении веков для культуры России имел, во-первых, диалог с византийской культурой, во многом – с ученических позиций. Период византийского влияния в истории русской культуры имел свою динамику, по-разному, но во многом и схоже раскрытую в основном Н. А. Бердяевым, Г. П. Федотовым, позднее Д. С. Лихачевым и др. Основное содержание этого периода – это не борьба религиозных и светских элементов в культуре, как нередко утверждали до недавних пор, а развитие культурно-религиозного опыта, предполагавшее в каждой конкретной исторической ситуации определение конкретного же пути к спасению. На диалогической почве складывались основные мифы и ритуалы культуры, формировался тип культурного синтеза.

Наиболее культурно значимым результатом диалога стал культурный расцвет эпохи Сергия Радонежского, Андрея Рублева, Феофана Грека, Стефана Пермского, Елифания Премудрого, связанный, очевидно, с русской рецепцией исихазма. Он представляет особую важность в процессе изучения истории культуры. Это момент наивысшего духовного подъема и художественного расцвета, оставившего замечательные памятники, засвидетельствованный личный опыт духовного подвижничества. В связи с ним Д. С. Лихачев, Г. К. Вагнер и другие исследователи находят возможным говорить о русском Предвозрождении [11, с. 102-159; 5, с. 54-75]. Думается, эта гипотеза выдержала испытание временем. По сути, эпоха, о которой идет речь, обладает несомненными признаками осевого духовного оживления. Пробуждается личность, вступающая в плодотворный диалог с мирозданием.

Разные причины определили крайний катастрофизм русской истории, что привело к духовному кризису, который разворачивался в течение XVI-XVII вв. и повлек за собой обращение к западноевропейскому культурному опыту. Период западноевропейского влияния (или диалога с Европой) есть «петербургский период» русской истории и культуры, принесший богатейшие плоды в философии, искусстве и других сферах культуры. Это эпоха со своими мифами и ритуалами, со своими опытами культурного синтеза. Вершинные (хотя и чрезвычайно противоречивые) свер-

шения культуры этого периода относятся к XIX – началу XX в. Золотой и Серебряный века в истории русской культуры – это время предельно разнообразной и свободной личностной самореализации, время неустанного духовного поиска. Это эпоха многих самых крупных деятелей русской культуры, самых значимых личностей, чей опыт имеет непреходящее значение.

Советский период в истории культуры принято считать (и, как нам думается, во многом справедливо) попыткой оттолкнуться как от западного, так и от осевого опыта. Советская культура пытается использовать инокультурный опыт, исходя исключительно из своих целеполаганий. Однако реальное содержание культуры советского времени обнаруживает ее эклектичность и крайнюю духовную несбалансированность. В исторической ретроспективе культура советского периода отчетливо делится на культуру официоза и андеграунда (в котором во многом сохраняются смыслы и ценности предшествующих двух периодов). Постепенно, от десятилетия к десятилетию, нарастает и влияние культуры современного Запада, а первоначальные энтузиастические импульсы советской культуры явно угасают, она формализуется и скудеет духовно.

Что касается современной (постсоветской) культуры, она находится в становлении и с трудом поддается пока осмыслению как нечто целое и цельное. Смысл и качество ее диалога с иными культурами – предмет дальнейшего обдумывания.

Библиографический список

1. Ахиезер, А. С. Труды [Текст] / А. С. Ахиезер. – М. : Новый хронограф, 2006. – 480 с.
2. Ахиезер, А. С. Россия: критика исторического опыта [Текст] / А. С. Ахиезер. – URL: <http://www.4plus5.ru/ist/ahies.html>
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
4. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры [Текст] / В. С. Библер. – М. : Политиздат, 1990. – 413 с.
5. Вагнер, Г. К. Тысячелетние корни: [Этические и эстетические корни русского народа] [Текст] / Георгий Вагнер; Центр. совет Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. – М. : Сов. Россия, 1991. – 92 с.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа [Текст] / Н. Я. Данилевский; сост., послесл., коммент. С. А. Вайгачева. – М. : Книга, 1991. – 573 с.
7. Ермолин, Е. А. Диалогическое самопознание культуры: внутренний ракурс [Текст] / Е. А. Ермолин // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 6. – С. 281-284.
8. Ермолин, Е. А. «Дальневосточный вектор» Просвещения и актуальные проблемы российско-китайского культурного диалога [Текст] /

- Е. А. Ермолин // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 2. – С. 265-268.
9. Кандыба, В. М. История русского народа [Текст] / В. М. Кандыба. – М., КСП, 1995. – 224 с.
10. Кандыба, Д. В. Русский гипноз [Текст] / Д. В. Кандыба. – М.: КСП, 1995. – 350 с.
11. Лихачев, Д. С. Избранные работы : в 3-х тт. [Текст] / Д. С. Лихачев. – Л.: Художественная литература, 1987. – 656+ 496+ 520 с.
12. Мунье, Э. Персонализм [Текст] / Э. Мунье. – М.: Искусство, 1992. – 143 с.
13. Померанц, Г. Россия на перекрестке культур [Текст] / Григорий Померанц. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?archive=1192791857&id=1192790326&start_from=&subaction=showfull&ucat=14
14. Тойнби, А. Дж. Постигание истории [Текст] / А. Дж. Тойнби. – М.: Айрис Пресс, 2010. – 640 с.
15. Янов, А. Тень Грозного царя: Загадки русской истории [Текст] / Александр Янов. – М.: Изд. фирма «КРУК», 1997. – 218 с.
16. Acharya, Amitav. Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies [Текст] / Amitav Acharya // International Studies Quarterly. – 2014. – 58 (4): 647-659.
17. Acharya, Amitav; Buzan, Barry. Non-Western International Relations Theory: Reflections on and Beyond Asia [Текст] / Amitav Acharya, Barry Buzan. – London: Routledge, 2010. – 242 p.
18. Acharya, Amitav; Buzan, Barry. The Making of Global International Relations: Origins and Evolution of IR at its Centenary [Текст] / Amitav Acharya, Barry Buzan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 397 p.
19. Henry, Ken, Shuli, Hu, Feigenbaum, Evan A., Acharya, Amitav, Multiplexworld: stepstowardsanewglobalorder [Текст] / KenHenry, HuShuli, Evan A. Feigenbaum, Amitav Acharya // Eastasiaforum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/08/14/multiplex-world-steps-towards-a-new-global-order/>
- pamjatnikov istorii i kul'tury. – М.: Sov. Rossija, 1991. – 92 s.
6. Danilevskij, N. Ja. Rossija i Evropa = Russia and Europe [Tekst] / N. Ja. Danilevskij ; sost., poslesl., koment. S. A. Vajgacheva. – М.: Kniga, 1991. – 573 s.
7. Ermolin, E. A. Dialogicheskoe samopoznanie kul'tury: vnutrennij rakurs = Dialogic self-knowledge of culture: internal view [Tekst] / E. A. Ermolin // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2017. – № 6. – S. 281-284.
8. Ermolin, E. A. «Dal'nevostochnyj vektor» Prosveshhenija i aktual'nye problemy rossijsko-kitajskogo kul'turnogo dialoga = «Far East vector» of the Enlightenment and topical problems of Russian-Chinese cultural dialogue [Tekst] / E. A. Ermolin // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2016. – № 2. – S. 265-268.
9. Kandyba, V. M. Istorija russkogo naroda = History of the Russian people [Tekst] / V. M. Kandyba. – М., KSP, 1995. – 224 s.
10. Kandyba, D. V. Russkij gipnoz = Russian hypnosis [Tekst] / D. V. Kandyba. – М.: KSP, 1995. – 350 s.
11. Lihachev, D. S. Izbrannye raboty : v 3-h tt. = Selected works: in 3 volumes [Tekst] / D. S. Lihachev. – L.: Hudozhestvennaja literatura, 1987. – 656+ 496+ 520 s.
12. Mun'e, Je. Personalizm = Personalism [Tekst] / Je. Mun'e. – М.: Iskusstvo, 1992. – 143 s.
13. Pomeranc, G. Rossija na perekrestke kul'tur = Russia at the crossroad of cultures [Tekst] / Grigorij Pomeranc. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews.php?archive=1192791857&id=1192790326&start_from=&subaction=showfull&ucat=14
14. Tojnbi, A. Dzh. Postizhenie istorii = Comprehension of history [Tekst] / A. Dzh. Tojnbi. – М.: Ajris Press, 2010. – 640 s.
15. Janov, A. Ten' Groznogo carja: Zagadki ruskoj istorii = The shadow of the Terrible King: Mysteries of Russian history [Tekst] / Aleksandr Janov. – М.: Izd. firma «KRUK», 1997. – 218 s.
16. Acharya, Amitav. Global International Relations (IR) and Regional Worlds: A New Agenda for International Studies [Tekst] / Amitav Acharya // International Studies Quarterly. – 2014. – 58 (4): 647-659.
17. Acharya, Amitav; Buzan, Barry. Non-Western International Relations Theory: Reflections on and Beyond Asia [Tekst] / Amitav Acharya, Barry Buzan. – London: Routledge, 2010. – 242 r.
18. Acharya, Amitav; Buzan, Barry. The Making of Global International Relations: Origins and Evolution of IR at its Centenary [Tekst] / Amitav Acharya, Barry Buzan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 397 r.
19. Henry, Ken, Shuli, Hu, Feigenbaum, Evan A., Acharya, Amitav, Multiplexworld: stepstowardsanewglobalorder [Tekst] / KenHenry, HuShuli, Evan A. Feigenbaum, Amitav Acharya // Eastasiaforum. Economics, Politics and Public Policy in East Asia and the Pacific. – URL: <http://www.eastasiaforum.org/2013/08/14/multiplex-world-steps-towards-a-new-global-order/>

Reference List

1. Ahiezer, A. S. Trudy = Works [Tekst] / A. S. Ahiezer. – М.: Novyj hronograf, 2006. – 480 s.
2. Ahiezer, A. S. Rossija: kritika istoricheskogo opyta = Russia: criticism of historical experience [Tekst] / A. S. Ahiezer. – URL: <http://www.4plus5.ru/ist/ahies.html>
3. Bahtin, M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva = Esthetics of verbal creativity [Tekst] / M. M. Bahtin. – М.: Iskusstvo, 1979. – 424 s.
4. Bibler, V. S. Ot naukouchenija – k logike kul'tury = From knowledge – to culture logic [Tekst] / V. S. Bibler. – М.: Politizdat, 1990. – 413 s.
5. Vagner, G. K. Tysjacheletnie korni: [Jeticheskie i jesteticheskie korni russkogo naroda] = Millennial roots: [Ethical and aesthetic roots of the Russian people] [Tekst] / Georgij Vagner; Centr. sovet Vseros. o-va ohrany